

УДК 821.161.1.0

**МИКРОКОСМ МАХОВА
(ЭМБЛЕМАТИКА: МИКРОКОСМ / ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ,
ПОСЛЕСЛОВИЕ О.Л. ДОВГИЙ. – ТУЛА: АКВАРИУС, 2024.
3 – 356 С., 130 Л. ВКЛЕЙКА, ИЛЛ.)**

© 2024

Е.В. Пчелов

Пчелов Евгений Владимирович, SPIN-код: 2664-2596, ORCID: 0000-0002-6541-244X, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, Историко-архивный институт РГГУ (103012, ул. Никольская, д. 15), ведущий научный сотрудник, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова (125315, г. Москва, ул. Балтийская, д. 14), evg-pchelov@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию: 15.08.2024**Статья принята к публикации: 14.09.2024*

Рецензируется вторая часть эмблематической дилогии А.Е. Махова «Эмблематика: микрокосм», над которой ученый работал в последние годы жизни и которая увидела свет уже после его кончины. Обе части двухтомника (первая вышла в 2014 г.) рассматриваются в неразрывном единстве. Рецензия построена по принципу экскурсии по тексту монографии. Анализируются структура книги, состоящей, в соответствии с метафорой души и тела, из двух частей, обширная библиография, многочисленные сборники европейских эмблем, привлечённые Маховым для интерпретации. Подробно рассматриваются основные положения каждой части: этосы и их метафоры, разнообразные аргументативные приёмы в первой; метафорика человеческого тела как источник знаков для создания языка эмблематики и роль риторических комбинаторных операций во второй; приводятся яркие примеры из книги. В конце делается закономерный вывод о высокой научной ценности рецензируемого тома.

Ключевые слова: А.Е. Махов, эмблематика, эмблематическая дилогия, метафорика.

Имя Александра Евгеньевича Махова (1959–2021) известно, пожалуй, всем серьёзным гуманитариям страны. Выдающийся филолог и литературовед, культуролог и музыковед, иконолог и философ, он,

бесспорно, самый крупный специалист по такой ещё мало разработанной в отечественной науке теме, как эмблематика. Фундаментальное явление культуры, без которого невозможно представить себе ни одну из её визуальных и текстуальных ипостасей, эмблематика родилась в эпоху Ренессанса, хотя своими корнями уходила и в бестиарную традицию средневековой Европы, и в христианский символизм, и в античные представления о природе и её знаках и признаках.

Тысячами невидимых, но выявляемых нитей эмблематика пронизала всю европейскую культуру на протяжении столетий и сохраняет свою актуальность даже сейчас, когда мир визуальных знаков и символов, казалось бы, претерпел существенные трансформации. Безусловно, значима она и для русской культуры, куда пришла ещё в допетровские времена и где прочно укоренилась в эпоху петровского поворота на Запад. А А.Е. Махов был, конечно, абсолютно непревзойдённым «определителем» и «распутывателем» этих нитей, как заправский детектив, находившим их истоки, следившим за их эволюцией и дававшим чёткие и ясные объяснения их семантики, раскрывавшие и самую суть того или иного явления культуры.

Но Махов не был бы Маховым, если бы не делал важного: не давал бы эти самые ключи к разгадке в руки других исследователей, не делился бы своим колоссальным эмблематическим опытом и знаниями. И главным на этом пути были его исследования-справочники. Именно таким жанром можно определить его ныне завершённую дилогию под общим названием «Эмблематика». «Макрокосм» [Махов 2014], т.е. окружающая человека природа, увидел свет в 2014 г. «Микрокосм» [Махов 2024], т.е. сам человек и его качества, – в 2024 г. Десять лет разделяют эти фундаментальные труды, но вместе они составляют органичное и взаимодополняющее единство.

«Макрокосм» большей частью был построен по принципу систематизированного эмблематического справочника-путеводителя по наиболее интересным и ярким образам европейского эмблематического пространства. В этом он следовал уже существовавшей западноевропейской научной традиции, наиболее капитальным проявлением которой является знаменитый справочник А. Хенкеля и А. Шёне «*Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI und XVII Jahrhunderts*» (Stuttgart, Weimar, 1996). Но, конечно, книга А.Е. Махова – абсолютно оригинальный эмблематический свод с развёрнутым комментарием и содержательной теоретической статьёй, описывающей

сам феномен книжной эмблемы в его сущностном, структурном, герменевтическом и иных смыслах. «Микрокосм», казалось бы, схож по структуре с первой книгой, но в то же время он и иной, так что составляет не просто пару к «Макрокосму», но взаимное дополнение в своём отличии.

Как было и в «Макрокосме», «Микрокосм» открывает большая теоретическая часть, которой, впрочем, принадлежит в книге главное место. В этом масштабном по замыслу и воплощению тексте автор анализирует эмблематическую метафору человека с точки зрения двух её составляющих: душевных качеств (или свойств) и телесности. Такая оптика задаётся как бы самой структурой эмблемы, в которой начиная с трудов выдающегося ренессансного учёного Паоло Джовио выделялись «тело», т.е. изображение, и «душа», т.е. текст, это изображение сопровождавший. По словам А.Е. Махова, «эмблема и импреза не просто выражают (отображают) мир человека – они являются ещё и подобием человека, его аналогией» [Махов 2024, с. 11]. При этом даже некоторые из эмблематических сборников, например, выдающегося голландского поэта XVII в. Якоба Катса, строятся по принципу становления и развития человеческой личности (от юности к зрелости), превращаясь в своего рода эмблематический «роман воспитания» (как всегда, ёмкое и точное определение автора). Поэтому и изложение материала А.Е. Маховым строится по принципу души и тела эмблемы и человека.

К «содержанию» души исследователь относит три категории явлений: умонастроения, т.е. базовые эмоционально-моральные «наклонения» человеческой души, которые автор именует этосами и которые формируют систему жизненных ценностей и поведенческих стереотипов; ценностные иерархии, основанные на ключевых понятиях, и способы мышления в эмблематике, которые воплощаются в различных приёмах аргументации. К телу относятся человеческая телесность, её элементы, положения тела, жесты и т.п. Таким образом, в первом разделе речь идёт о том, «как, посредством каких метафор отражена в эмблематике человеческая душа как система смыслов; во втором разделе – о том, как человеческое тело использовано в эмблематике в качестве её языка». Вслед за автором пойдём на краткую экскурсию по его тексту.

Итак, в первой части – «Душа как система смыслов» – А.Е. Махов рассматривает три аспекта: этосы и их метафоры, аргументативные приёмы эмблематики (т.е. способы мышления) и ценностные

иерархии – на примере одного из важнейших понятий, о котором скажем позднее (этот раздел книги, к сожалению, остался недописанным).

Умонастроений-этосов выделяется три: стоицизм, героизм и прагматизм. Высшей ценностью первого является добродетель, доминантой последнего – самосохранение. Центральным образом стоицизма представляется «автаркийный мудрец, единственным благом для которого является добродетель» [Махов 2024, с. 15], она может воплощаться в различных эмблематических образах, например, в образе Феникса, символизирующего победу добродетели над смертью («...награда Фениксу – его воскресение из пепла; награда добродетели – её бессмертная слава» [Махов 2024, с. 19].

Одним из важных стоических императивов, присутствующих в эмблематике, является бесстрашие – спокойствие души, сохраняемое в любых обстоятельствах. А.Е. Махов выделяет два вида такого бесстрашия: направленное вовне, т.е. по отношению к внешним обстоятельствам, и как бы направленное внутрь человека, стремящегося обуздать свои страсти, не дать им выплеснуться наружу. Классическим эмблематическим примером первого вида бесстрашия выступает скала, обуреваемая ветрами или омываемая бурными волнами. При этом в одном из вариантов на этой скале поселяется зимородок, защищающий в гнезде своих птенцов от ветра, «находясь в безопасности под защитой Бога» [Махов 2024, с. 27]. Таким образом, зимородок выступает метафорой стоического мудреца. Один из примеров внутреннего бесстрашия – возничий, управляющий парой коней, т.е. стремящийся обуздать свои пороки, прежде всего, безрассудство. Разумеется, и здесь, и далее А.Е. Махов приводит и трактует множество эмблематических примеров, из которых мы упоминаем лишь отдельные, кажущиеся нам наиболее простыми и показательными.

Далее автор рассматривает эмблематические метафоры других атрибутов стоической добродетели: постоянства и связанных с ним упорства, терпения и надежды. Среди многих примеров таких эмблем – пальма, ветви которой не гнутся под тяжестью грузов, а остаются прямыми, и два медведя, беззаботно танцующие под дождём, потому что они верят, что дождь скоро закончится. Кстати, эмблема с медведями была особенно любима А.Е. Маховым.

Второй этос – героический, родственный стоическому готовностью принести в жертву свою жизнь ради добродетели (в данном контексте трансформирующейся в доблесть). Здесь важными качествами

выступают мужество, а также особое величие души героя. Примечательно, что выражением возвышенного, своего рода воли к трансцендированию служили и некоторые импрезы (личные эмблемы) европейских государей, прежде всего, известная эмблема императора Карла V с изображением Геркулесовых столбов и девизом «Plus ultra» («Ещё дальше»). Император уподоблялся Геркулесу и даже превзошёл его деяния. В результате и Карл V оказывался героем: «Кто превзошёл деяния другого героя, тот сам действовал героически» [Махов 2024, с. 43]. В рамках героического этоса рассматривается и такое понятие, как самопожертвование, визуальным воплощением которого является горящая свеча – широко распространённая эмблема, в т.ч. и в качестве метафоры общественной пользы (ср. медицинскую символику). А.Е. Махов останавливается также на риторике героического этоса, в которой он особенно выделяет антитезу («либо... либо...»): «либо смерть, либо достойная жизнь» (охотник в схватке с кабаном) и т.п. Помимо общественной ценности героизма, в эмблематике нашла отражение и идея самодостаточности, самооценности героизма, воплощённая, в частности, в трудах Сизифа, трактуемых не в качестве наказания, а в плане трагического героизма. Абсолютной ценностью для героического этоса оказывается и месть, выраженная в том числ, в сражениях животных: носорога со слоном, слона с драконом. В этих схватках нередко погибают оба.

Наконец, третий этос, очень показательный, – это прагматический. Во многом он противоположен героическому, ибо наиболее важной ценностью для него является не добродетель/доблесть, а жизнь, на сохранение которой и направлена вся поведенческая стратегия. Важнейшей идеей здесь будет самосохранение, представленное в эмблематике целой палитрой разнообразных визуальных форм. Здесь и повешенный на дереве грамматик Дафит, наказанный за свою дерзость по отношению к правителю, и удаление уязвлённого змеей пальца ради спасения всей руки, и каракатица с осьминогом, способные спрятаться от рыбаков с помощью чёрного облака жидкости и цветовой мимикрии. Самосохранение подразумевает очень осторожное отношение к окружающему миру, таящему в себе множество опасностей. Поэтому важна подозрительность как к внешним обстоятельствам, так и к людям. Опасный человек может представать в виде маски, хитрый лстец – в образе Меркурия, усыпляющего Аргуса игрою на свирели, завистник – в фигурах лягушек и змей, пресмыкающихся у подножия величественной пальмы.

А.Е. Махов обращает внимание и на интересную парность двух «инстанций прагматической подозрительности»: слуги и государя. Как слугам следует опасаться государя, так и наоборот. Яркой иллюстрацией здесь представляется солнце, лучи которого, проходящие через увеличительное стекло, воспаляют корабль. Так и слуги могут неверно истолковать и исполнить волю правителя (лучи солнца) и, например, вместо мира вызвать войну (гибнущий корабль). Ещё более популярны темы ложной дружбы и ложной любви. Традиционный басенный сюжет о волке, предлагающем дружбу овце, как нельзя лучше иллюстрирует эту идею. В таких случаях нужна проверка, в качестве метафоры которой может быть представлена проверка на подлинность монеты или изображение ладони с глазом – всё это по принципу: в принятии дружбы будь осмотрителен.

Очень важный аспект прагматического этоса – соразмерность поступков силам и возможностям. Нужно никогда не забывать об ограниченности собственных возможностей и отказываться от слишком трудного и непосильного дела. В противном случае последствия могут быть самыми печальными. Забавный, но в то же время яркий пример – пигмеи, окружившие спящего Геркулеса и нападающие на него, и проснувшийся Геркулес, расправляющийся с пигмеями. Другой пример несоразмерности действия и сил – сломанный циркуль внутри недочерченной окружности: «...им работали так, что сломали, и начатая окружность осталась незавершённой» [Махов 2024, с. 71]. Непосильность подводит и к другому выводу: не нужно пытаться достичь невозможного. Идущая от Античности нелепость – попытка «отмыть» темнокожего эфиопа – иллюстрирует этот тезис в эмблематике. Тем более не следует прилагать большие усилия для достижения ничтожных целей. Пример этого – бесполезная игра в мяч, требующая много сил и не имеющая практически полезного результата. Тут невольно приходят на ум современные спортивные игры, которые, впрочем, приносят огромные результаты их устроителям и участникам (в отличие от зрителей). Ещё один важный аспект – постепенность: лучше двигаться медленно, чем пытаться совершать рывок. Здесь к примерам А.Е. Махова можно добавить ползущую черепаху, чьё изображение в эмблематике обычно сопровождается девизами: «Шаг за шагом», «Мало-помалу».

Прекрасной идеей в рамках прагматического этоса является полезность отдыха. Как отмечает А.Е. Махов, «героическая непрерывность в труде не приветствуется» (и справедливо!). Отдых нужен и

для дальнейшей деятельности, и для долголетия. Одно из визуальных воплощений этой мысли – отдыхающий под деревом пастух, в то время как его собаки охраняют стадо от волков.

Одна из стратегий прагматического поведения – его мягкость, гибкость, уступчивость. Тем самым и сохраняют жизнь, и избегают опасностей. Снова на помощь приходит знаменитый басенный сюжет – «Дуб и трость». Лучше гибко согнуться и выжить, чем героически сломаться и погибнуть. Уступка может воплощаться и в привлечении на свою сторону действиями или словами. Композиция одной из эмблем – свидетельство этому: на пустом троне лежит скипетр, в то время как правитель с подданными играет в мяч, завоёвывая народную любовь. Категоричное же поведение опасно – так обжигается девица, снимающая прямо пальцами нагар с горящей свечи. А одержать верх можно не агрессивной силой оружия, а ласковыми речами, в крайнем же случае – мягкой силой денег. Лучше купить мир золотом, чем кровью, – говорит нам одна из эмблем из двух скрещенных мечей, продетых сквозь лавровый венок, над туго набитым и приоткрытым кошельком с монетами.

Прагматизм ведёт и к утилитарности, когда полезное ценится выше прекрасного и добродетельного, и к пессимизму, признающему неизбежность зла. «Но не будем забывать, что в целом прагматический пессимизм вовсе не исключает действия: напоминая, что мир неизбежно опасен, он призывает лишь действовать с предельной осторожностью и осмотрительностью» [Махов 2024, с. 95], – подчёркивает А.Е. Махов.

Не менее содержателен и раздел о поэтике эмблематики, воплощённой в аргументационных приёмах. Автор устанавливает, что наиболее распространённым среди них оказывается парадокс. Он функционирует с помощью нескольких моделей, среди которых выделяются следующие. «Действие даёт результат, неожиданный для действующего»: к примеру, раненный стрелой олень ускоряет бег и тем самым лишь усугубляет боль (так и влюблённый, стремясь избавиться от любви, только увеличивает свои любовные страдания). «Одна и та же причина производит противоположные следствия» – та же горящая свеча, дарящая людям свет, но при этом гибнущая. «Плохое – причина хорошего» (и наоборот). А.Е. Махов выделяет несколько типичных вещных метафор этого тезиса – польза ударов, ран и укулов. Обратная ситуация – «хорошее порождает плохое» – лучше всего иллюстрируется примерами чрезмерной любви родителей и

слишком мягкого воспитания (басенный сюжет об обезьяне, задушившей в объятиях своего любимого детёныша).

Другая иерархия эмблематических парадоксов – малое и большое, причём первое может быть губительным для второго (опять-таки, среди прочих – басенная аллюзия на льва и комара). Среди других типов парадокса и приёмов аргументации, отмечаемых А.Е. Маховым, – *Conciliatio*, т.е. сближение противоположностей, вплоть до отождествления их. Скупой богач оказывается на самом деле бедняком, поскольку не наслаждается собственным богатством. Приём сближения сопоставляет также детей и стариков, визуальной формой чего становятся изображения младенца с черепом.

Третий раздел той части, где идёт речь об эмблематической «душе», посвящён ценностным иерархиям. В качестве примера А.Е. Махов избрал парные иерархии с понятием *Virtus*, т.е. добродетель/доблесть, проследив его взаимосвязь с фортуной (случаем), силой, любовью, мудростью, славой и красотой и показав эмблематическое разнообразие этих сопоставлений.

Вторая часть исследования называется «Тело как язык» и описывает метафоры человеческого тела и его частей в эмблематическом контексте. Здесь автор подробно останавливается на жестах, среди которых выделяются жесты ладоней, и в первую очередь – рукопожатие, жесты пальцев, и прежде всего – жест молчания, жесты рта (например, плевок). Рассматривается также семантика телесного низа. К последней относится, в частности, символика испражнений (мочи). Среди эмблем этого круга – стоящий на горе Гомер, который справляет нужду в фонтан, из которого пьют другие поэты. Объяснение эмблематиста показательно: «Гомер мочится, и многие хотят утолить свою жажду, выпив его мочи, дабы показать тебе, что ты никогда не станешь хорошим поэтом, не вкусив его учения» [Махов 2024, с. 190].

А.Е. Махов анализирует также эмблематическую семантику асимметрии тела, наготы и различных способов телесной деформации, например: добавления (удвоения, а то и утроения головы/лица), убавления (усечения), перестановки и замены частей.

Далее в книге следует серия избранных эмблем, числом около четырёх десятков, в которых представлены или человеческие фигуры, или их части. А ещё дальше – то, без чего невозможно полноценно воспринимать основной текст, – 360 эмблематических изображений (причём не только из книжной эмблематики, но и из других форм

изобразительного искусства, в частности, живописи), иллюстрирующих наблюдения автора над душой и телом в европейской эмблематике. Этот подбор осуществлён О.Л. Довгий, которой принадлежит удивительно трогательное послесловие, описывающее сам процесс создания книги, – «Листайте ночной, листайте дневной рукой...». Благодаря усилиям Ольги Львовны бесценная книга и увидела свет.

Для создания своего труда А.Е. Махов привлёк почти 70 (!) эмблематических сборников XVI–XVII вв. (многие в нескольких изданиях) и огромное количество литературных источников и научных исследований – этот титанический масштаб показывает невероятный уровень научной аналитики и степень проницательности, которые были столь характерны для А.Е. Махова.

«Эмблематика. Микрокосм», как и предшествующий том «Макрокосм», стала поистине бессмертным памятником этому выдающемуся учёному.

Литература

Махов 2014 – Махов А.Е. Эмблематика: макрокосм. М., 2014.

Махов 2024 – Махов А.Е. Эмблематика: микрокосм. Тула, 2024.

**MAKHOV'S MICROCOSM
(EMBLEMATICS: MICROCOSM / GENERAL EDITION,
AFTERWORD BY O. L. DOVGY. – TULA: AQUARIUS, 2024. – 356 P.,
130 L. PASTING, FIG.)**

Evgeny V. Pchelov

Russian State University for the Humanities
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of Russian Academy of Sciences

The article presents review of the second part of Alexander Makhov's emblematic dilogy «Emblematics: Microcosm», on which the scientist worked during the last years of his life. The book remained unfinished and saw the light after his death. Both parts of the dilogy (the first one was published in 2014) are considered in inseparable unity. The review is based on the principle of a tour through the text of the book. It analyses the structure of the book, which consists of two parts in accordance with the metaphor of soul and body, an extensive bibliography, numerous books of emblems used for interpretation by Makhov. The review considers in detail the main provisions of each part: ethos and their metaphors, argumentative techniques in the first one; the

metaphor of the human body as a source of signs for creating the language of emblematics; gives vivid examples from the book. In the end the author makes a logical conclusion about the high scientific value of the reviewed book.

Keywords: Alexander E. Makhov, emblematics, emblematic dilogy, system of metaphorical codes.